
Татьяна Морозова
Путь к моей душе

Татьяна Морозова

Путь к моей душе

«Автор»
2026

Морозова Т.

Путь к моей душе / Т. Морозова — «Автор», 2026

Автобиография о женщине, которая пыталась найти счастье в материнстве. Но жизнь подарила ей детей с ДЦП. Ужас и отчаяние захватили ее. Но постепенно шаг за шагом она встречала прекрасных людей, которые помогали ей находить выход. Приходили новые трудности и казалось, что выхода опять нет и как можно быть счастливой в такой ситуации.

© Морозова Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Восемь лет 5
Глава 2. «Так рожать нельзя» 6
Глава 3. Отделение выхаживания 7
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Татьяна Морозова
Путь к моей душе

Глава 1. Восемь лет

Я всегда стараюсь смотреть сквозь ситуацию, объясняя себе, что там внутри всё хорошо, надо просто немного подождать, и тогда всё встанет на свои места. Но тогда, в самом начале моего пути, я ещё не знала, сколько именно мне придётся ждать и через что мне предстоит пройти, чтобы однажды проснуться и понять, что я наконец-то научилась себя прощать, научилась жить свою личную жизнь и просыпаться по утрам не только для того, чтобы сделать кучу важных дел в жизни.

Я ждала детей восемь лет, и эти восемь лет я сходила с ума от отрицательных тестов, от гормонов, от расчётов, от каждого нового цикла, который заканчивался ничем, и мне казалось, что если я когда-нибудь забеременею, это станет взрывом счастья, таким, что стены раздвинутся, из труб польётся свет, а я стану той самой мамой из рекламы детского питания — с идеальными волосами и улыбкой до ушей, которая никогда не устаёт и знает всё на свете.

На момент моей беременности у меня за плечами было восемь лет бесплодия неясного генеза, никто не мог понять причину, никто не мог мне помочь стать мамой, я меняла клиники и врачей, хваталась за любую рекомендацию, мы пили какие-то таблетки, кололи уколы, проверяли мой организм разными способами, но ничего не двигалось с мёртвой точки, и с каждым годом надежда становилась всё тоньше, а отчаяние — всё гуще, потому что папа к тому времени уже умер, а у мамы была болезнь Альцгеймера, и мы жили вместе, с нами ещё жила сиделка, и я чувствовала, что время уходит, а я всё ещё не мама.

И когда я наконец забеременела через ЭКО, и ещё и двойней, все вокруг ждали, что я скажу: «Я самый счастливый человек на земле», но беременность мне далась очень тяжело, у меня болела спина, немели руки, я не могла нормально спать, сидеть или лежать, и к декрету я уже не могла ничего, только плакала по ночам оттого, что всё болит и я не могу уснуть, а внутри растут двое малышей, за которых я боюсь каждую секунду.

Потом случились ранние роды, двадцать девятая неделя, пятого мая две тысячи тринадцатого года, и они родились слишком рано, слишком маленькие, два крошечных комочка, два провода от аппаратов, две судьбы, которые висели на тонких нитях, и я помню, как смотрела на них и не могла понять, где же тот взрыв счастья, о котором я мечтала все эти восемь лет, потому что вместо взрыва была вата, тяжесть и тишина, и я помню только руки, которые онемели, и бессонницу такую плотную, что я перестала различать день и ночь, и помню, как смотрела в зеркало и не узнавала себя — серая, худая, с глазами, в которых не было ни капли радости.

Я думала, что это они больны, что это у них ДЦП, что это их проблема, но постепенно я начала понимать, что на самом деле болела я, вся, до самых костей, потому что моё тело не выдерживало того, что я с ним делала, а моя душа просто устала ждать, что всё наладится само собой.

Глава 2. «Так рожать нельзя»

Когда я родила на сроке двадцать восемь недель, врач из реанимации седьмой больницы сказала мне прямо и безжалостно, что так рожать нельзя, что нельзя болеть во время беременности, что зачем я вообще делала это ЭКО, если не могла доносить. Что у Ксюши большая вероятность ДЦП, а у Макса вроде бы всё неплохо. Потом она тут же добавила, что руки и ноги можно отработать, хотя есть примеры, когда руки отрабатывали, а ноги уже нет. Отработать это означало восстановить двигательную активность данной части тела. Затем в конце она сказала, что если ничего не получится, то жизнь на коляске тоже существует. Тогда потеряла землю под ногами, по моим щекам текли слёзы, и я не знала, за что мне ухватиться, чтобы не упасть окончательно. Я с трудом понимала смысл ее фраз, новые слова казались такими колючими, что постоянно ранили мое тело и душу.

Я вышла из больницы и сразу набрала подруге, которая лежала в этой же больнице, но в отделении патологии беременных. Наши предполагаемые даты родов были очень близки, хотя моя должна была случиться даже позже. Когда-то год назад мы вместе с ней стояли двадцать три часа к Поясу Богородицы, который привозили в Москву в Храм Христа Спасителя. У нас у обеих были проблемы с зачатием детей. И как вы уже поняли, мы обе забеременели. Я пыталась передать ей все слова, что говорила врач, по щекам текли слезы, что я не хочу детей инвалидов, я вообще не понимала в чем вообще теперь смысл жизни. Благо она нашла слова поддержки, и мы дружно решили, что нужно переговорить с кем-то еще, чтобы получить хоть какую-то надежду на свет в конце тоннеля.

После разговора я пошла к заведующему отделением и спросила его, почему нигде не написано, что на встречу с врачом надо приходить с бутылкой валерьянки и с личным психологом, потому что такие слова нельзя говорить матери, которая только что родила недоношенных детей и не знает, выживут они или нет. К счастью, он меня услышал, отвёл в кабинет, и мы поговорили спокойно, и он дал мне надежду, сказав что она прекрасный врач, что результаты диагностики это суждение одного специалиста. Что если на них посмотреть, то они же двигаются, значит это все еще не точно на сто процентов. Я немного выдохнула, потому что жить без веры в лучшее просто невозможно, ты сходишь с ума от страха безысходности.

Около двух месяцев мои дети провели в этой больнице меняя отделения. Сначала они были в реанимации, потом в интенсивной терапии и затем уже в отделении для выхаживания недоношенных. Каждый переход казался для меня маленькой победой, потому что дети становились крепче и это давало надежду, что скоро мое материнство будет, как у обычных людей. Но как только я немного выдыхала, обязательно что-то происходило с их здоровьем, и моя тревожность возвращалась обратно. В целом, оглядываясь назад, я понимаю, что просто так там никто не лежал и что-то происходило у всех детей, особенно с таким ранним рождением. Скажем это было нормальным течением в данной ситуации.

Глава 3. Отделение выхаживания

Отделение выхаживания стало для нас вторым домом. Нет, пожалуй, даже первым — потому что дома мы в тот период почти не бывали. Именно здесь, на втором этаже, мои дети и я провели самую большую часть времени из всего нашего пребывания в больнице для недоношенных. Здесь время текло по каким-то своим, странным законам, подчиненным не часам, а ритму сцеживаний и кормлений.

Мой день начинался в пять утра. За окном еще глухо, темно, город только-только начинает просыпаться, а я уже сидела с молокоотсосом в руках. Ночью молоко приходило, но никого рядом не было — только я, тишина и чувство ответственности. Нужно было все успеть: сцедиться, позавтракать (потому что иначе никак, иначе силы закончатся к обеду), собраться и к восьми утра уже быть в больнице.

Мы приезжали, переодевались в сменную одежду, оставляли сумки и шли к своим детям. Это был наш маленький ритуал: сначала — к детям, потом — к молокоотсосу, потом — к раковине.

Боже, эти бесконечные стеклянные бутылки. Они мне снились. Мамы, приходившие в отделение, занимались не только уходом за своими крохами и сцеживанием. Нашей общей, объединяющей обязанностью было мытье. Мы мыли эти тяжелые стеклянные бутылочки, отмывали их до скрипа, чтобы потом отправить в стерилизатор. Казалось, что этот конвейер никогда не закончится. Руки краснели от воды, но мы делали это с каким-то остервенением, потому что это было частью нашего вклада в жизнь наших детей. Своё молоко, отданное ребенку, и чистая бутылка — вот был наш фронт работ.

Конечно, у нас были перерывы. Мы собирались в специальной комнате для мам. Это было наше убежище. Там мы могли просто сидеть, пить чай и… мечтать. Мы болтали обо всем на свете. Мы представляли, как будем жить без этой больницы. Нам казалось, что самое сложное и самое отвратительное в нашей жизни — это вот это раннее вставание, невозможность выспаться, эти поездки, эти бесконечные бутылки. Мы строили планы на будущее, рисуя себе картины идеальной, счастливой материнской жизни. Мы были уверены: вот выпишут нас — и начнется сказка.

Но выписка была не просто датой в календаре. Это было настоящее достижение, к которому мы все шли шаг за шагом. Чтобы нас отпустили домой, дети должны были соответствовать строгим критериям: они должны были сами сосать из бутылки и, что не менее важно, держать тепло. Тепло, как нам объясняли, зависело от общего состояния здоровья и зрелости малыша. А вот способность сосать бутылку — от целого комплекса факторов: от силы сосательного рефлекса, от координации дыхания и глотания, от того, насколько ребенок готов справляться с объемом питания. Каждый грамм, каждый выпитый миллилитр был на счету.

И вот здесь я особенно остро чувствовала, насколько разными были наши с детьми исходные данные. Мои дети были из числа самых недоношенных — они родились на двадцать девятой неделе. Для сравнения: у большинства мам, с которыми я познакомилась в отделении, детки родились после тридцати трех недель, даже. Разница в две-три недели внутриутробной жизни — это огромная пропасть в зрелости всех систем. Поэтому мне, как я тогда понимала и как говорили врачи, было сложнее всего. Наши крохи должны были не просто догнать, а перегнать в развитии тех, кто стартовал с более выгодной позиции. Каждое самостоятельное кормление, каждая минута, проведенная в тепле без инкубатора, давались им с огромным трудом. И мы ждали. Ждали, когда же наши малыши наберутся сил, чтобы самим сосать бутылку и держать тепло.

Тогда мы еще не знали, что те пять утра и бесконечные бутылки — это, возможно, была самая простая и предсказуемая часть нашего материнства. Но именно там, в этой комнате для мам, в перерывах между мытьем посуды и сцеживанием, мы учились поддерживать друг друга. Мы мечтали о доме, не подозревая, что частичку этого места — с его запахом молока и звуком стерилизатора — мы навсегда увезем с собой в сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.